

*Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю
И каждый раз гляжу окрест,
И над берёзами встречаю
Всё тот же золочёный крест.*

Афанасий Фет

День был жаркий. Стоящее в зените солнце раскаляло всё, к чему бы ни прикасалось. Временами лёгкий ветерок, рождённый над широкими водами реки Волги, долетал и сюда, к затерянному в приволжских лесах посёлкам, но по дороге утратив прохладу, уже не в силах был справиться с полуденной духотой. Единственный кондиционер в нашей машине – открытые окна, в которые врезались тугие от скорости потоки воздуха. Поливая себя водой, можно было как-то охладить на сквозняке горящее от духоты тело. Поэтому мы с приятелем свернули с шоссе на просёлочную дорогу, ведущую к видневшейся за посадками деревне, запастись водой из колодца.

На усталом зелёном пространстве между сельской дорогой и деревенскими домами стоял огороженный низким, посеребрившим от времени штакетником колодец. Невдалеке, раскидав по сторонам корявые ветви, рос величественный вяз, в его-то тени приятель и остановил машину. Широко распахнув двери, мы с облегчением вышли из душного салона. Выбранное место показалось райским оазисом в знойной пустыне. Приятель поспешил откинуть капот, откуда тут же поднялись потоки расплавленного воздуха. Пока он занимался

машиной, я решил немного поразмяться. Пять часов безостановочного пробега не шутка.

Места знакомые, я бывал здесь, когда мотался по Волго-Вятскому региону в составе бригады нефтяников. Здесь, на пустыре – это место и сейчас пусто, как и двадцать лет назад, – стоял наш городок. А вот название самой деревни ну никак не вспомнить, какое-то чудное, необычное, ему бы в памяти крепко-накрепко врезаться, нет же, ускользнуло, не то Дядя, не то Тятя, может даже, Зятя. Порой над замысловатыми названиями, встречающимися по нашей Нижегородской области, и насмеёшься вдоволь, и голову сломаешь, пытаешься понять значение вложенного жителями в название своего посёлка: какое-либо меткое выражение, эпитет, признак предмета – все, что было характерно в прошлой эпохе и обычно для данного места. Только когда копнёшь поглубже да и вывернешь наружу пласт спрессованный временем, тогда лишь и уразумеешь насколько было образно мышление наших предков. Но суть не в том, как прозвали его первые поселенцы, на то у них была видимая причина, а в том, что *мы* всё исковеркали, извратили и, в конце концов, окончательно забыли первоначальный смысл – названия потеряли былое значение, обернувшись для нас в абстрактные звуки.

Одна часть пустыря была обустроена под стоянку личного транспорта зажиточных аборигенов. Две иномарки стояли возле ярко-зелёного забора, скрывавшего красивый трёхэтажный особняк из красного кирпича. Над крышами машин томился зыбкий воздух, искажая пространство.

На другой стороне пустыря из-за обильных зарослей крапивы и лебеды, пижмы и других сорняков проглядывался старый кирпичный фундамент, некогда державший на себе архитектурный ансамбль деревянного зодчества. По обугленным останкам торчащих то тут то там досок было понятно, что полное разорение не обошлось без чьей-то воли. В развалинах фундамента виделись некогда бушевавшие здесь языки пламени, испепелившие последние остатки сотворённого человеческими руками чуда. Почерневшие камни, эти осколки прошлой жизни, испытавшие на своём веку и поклонение, и поругание могли многое поведать, но они скорбно молчали, укрывшись пыльными листьями репейника да колючими стеблями крапивы, будто убогий, придорожный нищий прячущий своё нагое тело за рваным веретем. А некогда здесь стояла церковь, вознося купола-маковки к небесам. Ныне остался лишь фундамент...

Мне вспомнились дни, когда мы в первый раз прибыли в эти края.

Месяц январь крепко держал свой посох, никому спуску не давал, будь ты зверь или человек. Дни тогда стояли ясные, морозные. Дым печных труб столбом поднимался в бездонно-голубое небо. Мы споро поставили городок из вагончиков, обжились, с местным населением познакомились. Самым первым к нам хозяин лесхоза явился. Отметил на карте лесного хозяйства нашу трассовку и предупредил, ткнув пальцем в квадрат рядом с нашей трубой:

– Здесь медвежья берлога. Зверь спит, не приведи господь, разбудите. Нам ещё шатунов здесь не хватало. Так что попрошу вас, будьте поосторожней, не раскатывайте по всему лесу почём зря, знаю вас, шальных. Завтра пораньше заеду, покажу бульдозеристу, где дорогу пробивать, болот здесь много, под снегом и не видно. Рано снежок выпал, до заморозков, не успела земля остыть да промёрзнуть, можно так забуриться – мало не покажется. Днём расчистим, может, за ночь под-

мёрзнет. Крепко, нынче, мороз-хозяин за дело взялся! Вторую неделю спуска не даёт, наша техника почти вся встала. А ваши трактора не чета нашим, пройдут, а вот как машины?

Рядом с городком, взывая к небесам о милосердии, стояла ветхая деревянная церковь. Серые стены, обшитые тёсом, покосившись, ввалились внутрь. Отошедшие доски обнажили трухлявые брёвна, съедаемые рыжим лишайником. Крыша под тяжестью снега просела, и угловые купола готовились рухнуть вниз. Шатёр колокольни, прогнив, обрушился на трапезную, окончательно её разрушив. Только главный купол храма, покрытый позеленевшей дранкой, сохранял былое достоинство своим объёмом и украшавшим его наверху узорчатым крестом. Правда, сохранившийся медный крест сильно накренился, и снизу казалось, будто готовится он к прыжку. Добавлю ко всему этому грустному пейзажу белоснежный зимний саван, сотканный из мириадов холодных снежинок, укутавший не только старый храм, но и добрую часть человечества.

Вечерами, после работы, выйдя из прокуренного вагона перед сном на свежий воздух, невольно да приглядишься к чёрному пятну купола на фоне звёздного, морозного неба. Яркие созвездия, рассыпанные в кажущемся беспорядке по всему небосклону, влекли к мыслям о бесконечности пространства, о вечном, но, бросив взгляд на покосившийся крест, мгновенно спускаешься на землю, задумываясь о сущем.

К нам часто заходили местные жители, времена были тяжёлые, и особенно это чувствовалось на селе – колхозы развалились, работы не было, и каждый выживал как мог. Вот и устроился к нам дневным сторожем один дедок; дежурил в городке, пока бригада работала на трассе, кухарке помогал при столовой: не без её помощи деда к делу приобщили – родственник.

Как-то раз прибыли в городок ещё засветло. Завидя нас, поспешил дед откланяться и уж было скрылся за угол вагончика, как окликнул я его и пригласил в гости.

– Куда спешишь? Зайди погостить, чаёк поставим, обогреемся: мы сами на морозе весь день. «Вахта» сломалась и оставила нас без обеда, недавно только водитель и наладил. Заходи, не обидим! Угостим, спасибо скажешь.

Так и состоялось наше знакомство. Обычно вечерами после трудового дня в нашем вагончике, как в красном уголке, собиралась хорошая компания на посиделки. Занавески на окнах, тапочки, ковровая дорожка на полу, телевизор, посуда с узорами, в общем, по всем параметрам уютная обстановка, вот и шли коллеги к нам из своих необустроенных, стандартных нор скоротать вечерок по-домашнему. Порой посиделки заканчивались далеко за полночь.

Угостили мы деда, он и размяк, о жизни своей не таясь поведал: из уст его услышали историю покосившегося креста. Мы уже понаслушались разных небылиц от местного женского населения, что возле городка нашего вьются и языками, как помелом, метут, а нам истину подавай, не корми байками. Да только мысли у молодух витают в иных измерениях, и ничего из истории посёлка от них не узнали. Поэтому очень порадовались, затащив к себе деда Ферая; как оказалось, он был очевидцем и чуть ли не участником тех исторических событий.

Забавное имя – Ферай. Мы думали – просто кличка прицепилась за какие-то заслуги, приставать с вопросами, отчего да как, неудобно, а в узкой компании стеснение ушло. Поинтересовались:

– Имя какое-то чудное у тебя, вроде как нерусское, а с лица наш! За что прозвали?

– Да родители мои чудаками были. Свою любовь не только мной закрепили, но ещё и в имени моём оставили. Отец – Фёдор, мать – Раиса. Вот и вышло – Ферай. Ферай Фёдорович, так и в паспорте прописано. Добрые были у меня родители, царствие им небесное! Всю долгую жизнь в любви и согласии прожили, никому не в убыток. – Дед замолчал, уйдя в свои мысли, видимо, поминая родителей. Мы уgomонились и не торопили старого человека.

– А с крестом вот какая притча вышла, – неожиданно очнувшись, заговорил дед Ферай. – В году эдак тридцать первом, втором ли, до нашего села дошла коллективизация. Супротив никто не пошёл, честно сказать, бедно жили. Единоличнику в наших краях не выстоять, только сообща если, друг за друга держась. Образовался на ту пору леспромхоз, и весь наш люд трудился на лесозаготовке и торфоразработках. А в тридцать шестом объединили нас с соседним районом, где началось всесоюзное строительство бумкомбината. В те легендарные тридцатые годы, в годы энтузиазма и всеобщего похода безбожников на религию, наша церковь устояла. Стояла, никому не мешала из начальства, хорошие в ней помещения были, просторные, вот молодёжь и освоила её себе под клуб; много молодёжи понаехало в ту пору на строительство. Лозунгами, транспарантами всю её обвешали, обмотали, изукрасили, так что и не разберёшь, в каком углу Бог, а в каком Сталин. Вначале библиотека там была, книг из района привезли телегу целую, да читателей немного оказалось, только одни школьники. Вот и привлекли нас, ребяташек, к борьбе с безграмотностью. А нам это в интерес – юнцам учить старших, это надо же такому стать! Такое доверие, – мы как-то сразу повзрослели. Как же, нам пионерам, серьёзное дело поручили! Нас, малявок, которых никто не замечал, наравне со взрослыми посчитали. Тут безо всяких отговорок становись в строй! Но знай и помни – спрос соответствующий! Со временем в клубе и кружок драматический образовался. А всё благодаря нашему завклубом незабвенному Илье Фокичу, сколько лет прошло, но помню, чту и уважаю. Добрый был человек, светлый, немного таких на пути своём встречал. Благодаря ему и церковь сохранилась, и мы к творчеству, к сцене приобщились. Я же после войны, в сорок седьмом году, в Горьковское театральное училище поступил и с год проучился. Но не довелось артистом стать. Жил-то у тётки, в бараке на Белинке, там за керосиновой лавкой их не счесть сколько стояло, места тёмные, жители беспокойные. Окраина, этим всё сказано. Вот и связался со шпаной, вроде бы уже и не салага, войну прошёл, а в голове всё одно муть. Выпивали, хулиганили. Стал в училище пропускать занятия, взял за моду словами бранными отвечать на замечания, вот и отстранили с курса. Дружки на свою дорожку поставили, да недолго та дорожка вилась. После много лет развивалась. Сдюжил. Но чего-то уклонился я, не за ту ниточку потянул, ослабела память моя, порой колышет во все стороны...

Да, Илья Фокич отстоял наш клуб, то есть церковь, хотя и был коммунистом. Всё зависит от того, какой ты человек, с каким нутром на свет уродился, а не каких линий или идей придержишься. Главное – человеческий фактор! Добрую память о нём сохранили односельчане, поклон ему от всего мира и царствие небесное! Он и тир за трапезной устроил, куда деревенская говша любила бегать изучать оружие, многим пригодились в военное время его наставления. Спектакли, что мы

ставили под его руководством, смотрели и обсуждали всем селом. Вот уж где можно было услышать настоящую критику, идущую от народа, о котором мы и пьесы ставили, а не газетное заказное словоблудие. А крест тем временем, как поставлен когда-то на куполе, так и стоял, издалека виден был. Стар и от времени почернел, но в воскресные дни будто светом каким сиял. Вот тебе крест! Стоял, никому не мешал. Поглядывал с высоты на окрестности да на дела наши житейские. Пройдёт кто, взглянет вверх – перекрестится, молитву, если знает, прочтёт, а нет, так просто мимо пройдёт.

В престольный праздник, Петров день, по старой традиции гуляло всё село, конечно, никакой церковной службы не было, да и некому, но каждая семья либо в гости шла, либо у себя гостей принимала, а молодёжь, так та в клубе ввечеру собиралась. Тут уж обязательно разухабистые молодцы изрядно расшालятся, разойдутся, разгуляются под гармонь, пустятся в пляс по всему селу, по окраине. Эх, вяжите бабы мужиков своих, девки держите парубков, только стёкла звенят во ставенках, гуляй душа, гармонист, рви меха у гармонии... раззудись рука, развернись плечо, душе моей стало горячо, ноги в пляс идут в разгуляй зовут!..

– Дед, ты что?! опять не в ту колею заехал... Может, лучше чай с крендельком? – я остановил его руку, тянущуюся к гранёной рюмке, стоящей, как балерина на тонкой ножке, с чистой, как слеза, водкой. – У нас хороший чай, заварной, с собой привезли.

Усмехнулся Ферай, махнул рукой, и добрые глаза его с накопившейся влагой в уголках, казалось, вот-вот утратят блеск от внезапно полыхнувшей негаснущей лампадки его души. Жалко стало старика лишать радостных мгновений замелькавших в памяти. Я сам поднёс ему желанную рюмку. Зыграло озорство в оживших глазах, упрятанных за паутиной морщин. Он ахнул залпом, зажмурился и, выдохнув, прослезился. За это мгновение закусочно-рюмочный натюрморт сменился, и на столе появились чайные чашки. Чайник доброжелательно пофыркивал.

Посидел старик, помолчал, шамкая губами, до чашки с чаем не приронулся. Собравшись, продолжил рассказ.

– Были и такие из старух, ух, злющие, что грозили завклубом пальцем после увеселительных мероприятий, приговаривая: «Ироды, креста на вас нет!» На что Фокич им отвечал: «Как же, бабушка, нету, смотри, какой великий на нас крест, крест несущий просвещение, вместо тьмы и затворничества... – и на купол указывал, где медный крест стоял величаво. – Разве Бог запрещает веселиться в свободное от работы время?» И стоял над храмом тот крест почти до войны, никто его не трогал, никто о нём не вспоминал. Никому он не мешал, пока из района лектор не приехал с лекциями, всё об обезьянах нам талдычил и о человеке, якобы от обезьяны произошедшем. Не знаю, как человека, но того лектора точно обезьяна породила. Одни только руки чего стоили! Не сгибаясь колени чесал. Он-то и обратил внимание на наш крест на большом куполе. Как мужики тогда сказывали, тяжёлый разговор имел с ним Фокич, а поутру лектор в большом недовольстве обратно в район укатил. Вскоре сменили нашего завклубом, из района прислали нового, как раз того лектора, а нашему Илье Фокичу определили другое место службы. Вот новый-то и стал на крест искоса поглядывать, про кружки и мероприятия позабыл, несподручен он был к этому делу. Народ стал выспрашивать да выискивать того, кто залезет на купол да и скинет крест наземь.

Мне тогда шестнадцать лет минуло, в клубе нашем учился на гармошке играть, молодой был, ловкий. Вот ко мне-то он и стал приставать. Слазь, говорит, на крышу. Сбрось крест с купола.

Я-то отказываться – не моё, мол, это дело, как обезьяна, по крышам лазить. Несподручно мне да и боязно – высоты боюсь. А он знай себе напирает: ты же, говорит, комсомолец! Неужели в Бога веруешь? Отвечаю: «Верить не верю, но и супротив не пойду, ибо страх внутри себя всё ж имею». Видит, ни совладать со мной, ни переубедить не может, так и отстал. Пострадал напослед ответственностью перед товарищами, обществом, революцию вспомнил, о врагах и их пособниках, но отстал. Ко многим обращался, но никто из нашего села так и не согласился на купол подняться. Его даже сторониться стали. Как завидят по дороге, к какому дому идёт, так шасть в сторону и огородами обходить. Клубная жизнь совсем захирела. Свет просвещения, исходящий от её деятельности, померк. Запил наш завклубом. Перестал ездить в райцентр со всякими докладами, видно, боялся тех, кто его прислал. Волком завыл в одиночестве! Как не запить! И что же вы думаете, чем дело кончилось?

Шумно отхлебнул дед Ферай остывший чай, глазами по столу поискал и не найдя, чего хотелось душе его, взяв конфету, продолжил.

– А кончилось тем, что, напившись с вечеру, он сам полез на купол. Никто этого не видел воочию, он всегда пил в одиночку, как тут не спятить? Представляете – ночь, тьма. Местами звёзды из-под туч то тут то там перемигиваются, а он, заткнув за ремень топор, обмотавшись верёвкой, вышел на штурм купола. Каким макаром взобрался на самый верх, никому неизвестно. Сдуру-то чего не выкинешь! Только поутру обнаружили его сидящим на навершии в обнимку с медным крестом. И крест от его действий покосился. Всё село собралось, кто не работал на бумкомбинате, кричат, советы дают, как спуститься. А он молчит, не отвечает. Ухватился за медь и не шелохнётся, свела тело его судорога, обездвжила, и застыл он, словно каменный. Кто полезет снимать его? Не нашлось в толпе смельчаков. Вон Серафимовы принесли лестницу, да куда там, разве достанешь! Высоко! Побежали в правление звонить в район, вызывать пожарников. Да что-то там недопоняли, приехала пожарная команда, а у них из оборудования одни насосы. Только к вечеру прибыла какая-то немецкая автолестница. В самый раз бедолаге под зад оказалась. Шутка ли, метров тридцать будет. Долго там, наверху, с ним возились. Не разжимаются руки его, не отпускают крест. Хотели было вместе с крестом, да куда там – разве медь спилишь. Ножом мышцы кололи, добились-таки своего, развели руки. Это ж надо, почти сутки на куполе сидел. На землю спустили, а он ни жив ни мёртв, стиснув зубы, только мычит, глаза выпучив. Увезли в райцентр, и с тех пор ни слуху о нем, ни духу. Кто говорит – помер, другие молвят – с ума сошёл. Пропал человек, а всё оттого, что мертва была душа его. Не было в ней ни веры, ни любви, а значит, и Бога! С тех самых пор и стоит наш крест будто в поклоне. А годом позже и война началась. В сорок пятом я, придя с фронта, в первую очередь кресту нашему поклонился, а он мне как бы в ответ свой поклон. Из всей деревни один я возвратился целым и невредимым. А крест-то до сих пор стоит, склонился, будто на нас с укором зрит. – Левый глаз у деда задёргался, покраснел, созревшая слеза выкатилась и потерялась в небритой щеке.

Мы уважили деда, выпили с ним за Победу и собрались было проводить гостя домой, как в вагон ввалилась компания раскрасневшихся

на морозе местных красавиц. Появление весёлой ватаги в другое время было бы воспринято нами с радостными чувствами, сейчас же их присутствие не соответствовало душевному настрою, да и усталость после нелёгкого рабочего дня давала о себе знать. Поэтому нарушителей нашего торжественного уединения мы просто выставили за дверь. Дед Ферай засуетился, стал собираться домой. Час был поздний, и мы не препятствовали.

...Картины прошлого растворились в колыхающейся от зноя действительности. Уже стоя рядом с приятелем и отряхивая с одежды седой прах дорог, поднятый проехавшим самосвалом, я спросил у подходящей к колодцу женщины:

– Давно ли церковь ваша сгорела?

– Почитай, лет десять прошло. Молния в неё ударила. Куксились, куксились небеса, тучи сбирая, думали, вот-вот ливень хлынет. Грозы всё ждали, давно дождя не было. Ан нет, молния раз сверкнула и зараз в купол угодила. И всё, небеса прояснились, где-то вдалеке уже дождь пролился, обошёл нас. Остались от храма одни головёнки.

– Фундамент-то остался!

– А что толку, что на нём строить? Ерохины уже место для себя рассмотрели, с властью сторговались!..

Откинув крышку колодца, откуда потянуло приятной прохладой, я раскрутил ворот, зачерпнул ведром воды, поднял. Женщина с улыбкой поблагодарила и, поправив выгоревшую на солнце косынку, отцепила ведро с карабина, что на большом кольце висел на цепи.

Вновь дорога, пыльная просёлочная, местами с ухабами, что шкрябают по днищу. Здесь не прокатишься с ветерком, ухарство ни к чему. В салоне жара, не помогают и открытые окна. Одна мысль – поскорее выехать на шоссе, где скорость и ветер...